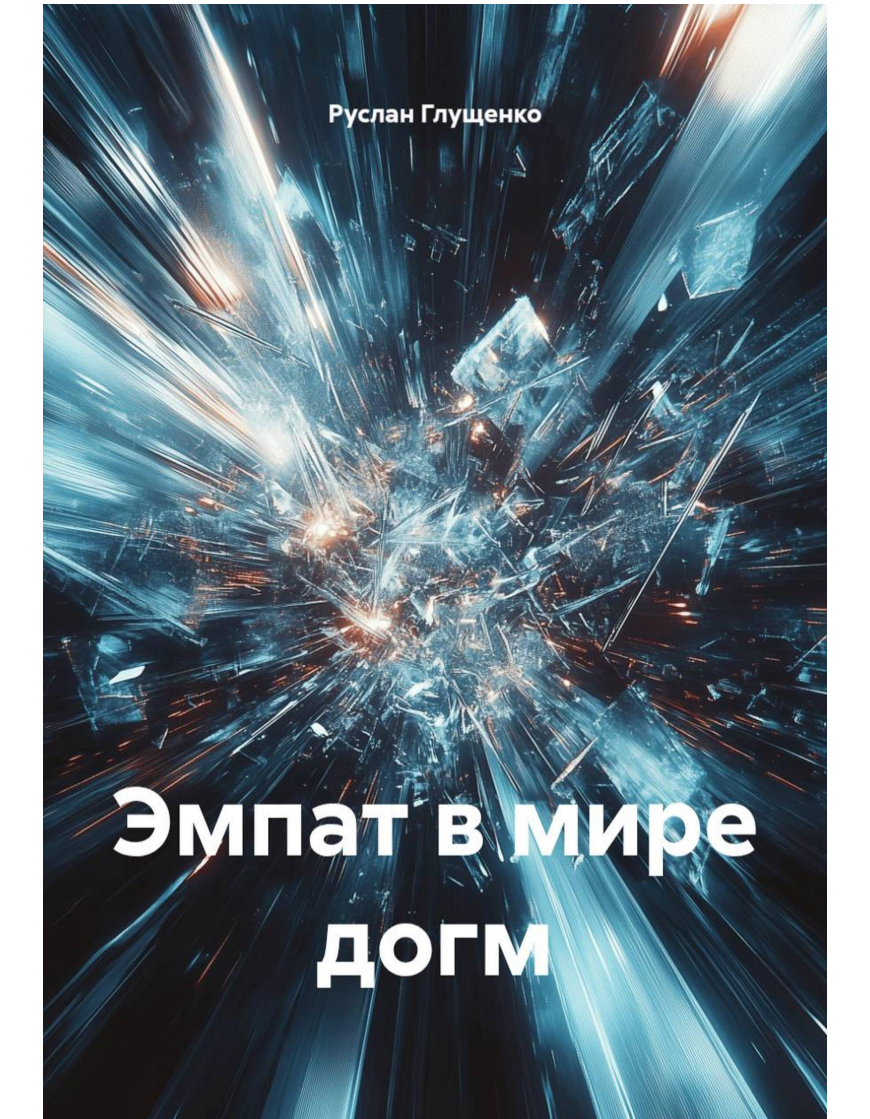

The background of the entire image is a complex, abstract composition of numerous bright blue and orange light streaks. These streaks radiate from a central point, creating a sense of intense energy and movement, similar to a high-speed burst or a cosmic explosion. The colors are vibrant and contrast sharply against the dark background.

Руслан Глущенко

Эмпат в мире ДОГМ

Руслан Глущенко

Эмпат в мире догм

<https://litres.ru/74209589>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Эта книга — проводник для тех, кто чувствует мир глубже, чем принято в привычных рамках. Что такое настоящая эмпатия в реалиях современного мира, где каждый пытается навязать свои правила и догмы? Автор предлагает взглянуть на привычные вещи через призму внутреннего света, интуиции и освобождения от чужих сценариев. Шаг за шагом вы пройдёте путь к собственной целостности, научитесь различать истинные желания и навязанные обществом шаблоны. Для широкого круга читателей, стремящихся к внутренней свободе и осознанной жизни.»

Содержание

Аннотация	5
Введение. Дорожная карта выжившего	6
БЛОК I Корни догмы и тени власти	12
Глава 1. Кому мы молимся на самом деле?	12
Язык страха против языка любви	17
Очищение радара и возвращение к Источнику	19
Глава 2. Нательный крестик. Защита или инструмент подключения?	22
Глава 3. Церковные колокола. Очищение пространства или подавление воли?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Руслан Глущенко

Эмпат в мире догм

Эмпат в мире догм

Открытая вера · Интуиция · Эмпатия

Руслан Глущенко

2026

Table of Contents

Аннотация

Эта книга — глубокое исследование невидимых механизмов влияния религиозных и эгрегориальных структур на энергетическое поле человека. Автор с позиции эмпата раскрывает темы эгрегориального перехвата, некротической энергетики, ритуалов блокировки центров восприятия и предлагает пути очищения внутреннего радара для возвращения суверенной связи с Источником.

Предназначено для тех, чей внутренний радар с детства чувствовал фальшь там, где обещали святость. Для тех, кто готов снять догматические замки и вернуться к прямому диалогу с Творцом».

КОД ЕДИНИЦЫ · СОЗВЕЗДИЕ ВОДОЛЕЯ · ВЕКТОР СВЕТА

РУСЛАН ГЛУЩЕНКО «ЭМПАТ В МИРЕ ДОГМ»

© Руслан Глущенко, 2026. Все права защищены.

Дата первой фиксации авторского текста: 20 июля 2026 года

Авторская подпись: Руслан Глущенко

(Данное произведение является интеллектуальной собственностью автора. Любое полное или частичное копирование, цитирование или распространение без письменного согласия автора запрещено).

Введение. Дорожная карта выжившего

В 37 лет система, из которой я так отчаянно пытался выжать материальный успех, сломала меня физически. Зажало позвоночник и седалищный нерв — и я перестал ходить. Стометровый путь превращался в пытку: остановка, попытка растянуть ногу, чтобы вернуть ей хоть какую-то чувствительность, и снова шаг — с каждым днём тяжелее, чем накануне. Дальше была операция. Тяжёлое восстановление. Боль, которую не всегда снимали даже горсти обезболивающих. Я лёг на лопатки в самом буквальном смысле — и именно в этой абсолютной неподвижности пришло понимание, от которого было уже не спрятаться: так, как я жил, я больше не смогу. Даже если тело восстановится полностью, движение по прежним рельсам приведёт меня в тот же тупик.

Чтобы понять, как я оказался в этой точке, придётся вернуться в начало.

Школа была первой попыткой системы встроить меня в свои шестерёнки. Точные науки давались легко, без зубрёжки — но когда от меня потребовали большего: олимпиад, грамот, дипломов ради самих дипломов, — что-то внутри чётко отказало этому в ценности. Это была имитация значимости, на которую мне предлагали обменять время и свободу.

ду. Я прогуливал уроки не от лени, а потому что шаблонное образование было слишком тесным для того, что на самом деле меня захватывало — мистика, скрытые законы природы, вопрос о том, как человек способен пробудить в себе силу, которая не укладывается в рамки плотной материи. И везде вокруг я спотыкался об одну и ту же несправедливость: почему одни тонут в деньгах, а другие стоят с протянутой рукой; почему Бог якобы один, а религий, воюющих между собой, — сотни.

После школы — училище, специальность электрика, шахтёрский город. Серое небо почти круглый год, угольная пыль, оседающая на подоконниках быстрее, чем её успевали стирать, город, который дышал не в ритме жизни, а в ритме смен на шахте. Учился без особого рвения, но профессия и точные науки давались легко — окончил с отличием. Отработал два года и понял со всей ясностью: я не хочу через сорок лет стать измождённым пенсионером, чья «стабильность» — это тот же цикл «работа — дом — работа» в том же сером воздухе, в котором я вырос. Это был тупик, только ещё не физический, а пока только предчувствуемый.

И я побежал. Москва, Польша, Нидерланды, Германия — страны, работы, деньги. Свои детские вопросы о Боге и сути бытия я отложил в сторону, потому что социальная матрица обступила меня так плотно, что перекрыла кислород для души. Я добегался — и добегал ровно до той точки, с которой начинается этот рассказ: до тела, лежащего на лопатках, и до

тишины, в которой бежать было уже физически некуда.

В этой вынужденной неподвижности я развернулся внутрь и начал задавать себе вопросы, которые люди обычно боятся озвучивать даже себе самим: чего я на самом деле хочу от этой жизни? Я — винтик в слепом механизме, несущемся в никуда, или нечто большее, пришедшее познавать себя, а не обслуживать чужие амбиции? Я стал заново перебирать всю свою жизнь — детство, школу, религию, — безжалостно отсекая всё, что оказалось лишним. Строительство, чужой график, чужие мечты за чужую же зарплату — всё это закончилось. Я захотел владеть собственным временем.

И вот здесь мне нужно быть с тобой предельно честным — настолько же честным, насколько я был честен на протяжении всей этой книги с любым чужим свидетельством, экспериментом или каноном.

Лёжа без движения, на медикаментах, которые уже не всегда справлялись с болью, потеряв все прежние земные ориентиры разом, я начал видеть числа. Не редко — постоянно, настойчиво, будто кто-то методично стучал в одну и ту же дверь. Я знаю, как это звучит для стороннего, холодного слуха: измождённое тело, обезболивающие, человек, ищущий хоть какую-то структуру в собственном хаосе, — идеальные условия для того, чтобы мозг начал видеть закономерность там, где её нет. Я не собираюсь это оспаривать и не прошу поверить мне на слово, что это было объективно

доказуемо. Я говорю только одно: это было моим опытом, таким же настоящим для меня, каким для человека с мигренью настоящей остаётся боль, которую никакой рентген не покажет на снимке. Среди сотен трактовок я находил именно те, что описывали мою жизнь с пугающей точностью, и в каждой звучала одна мысль: то, через что ты прошёл, — не только твоё личное, его придётся передать дальше.

Тогда же, разбирая себя по кусочкам в поисках хоть какой-то опоры, я начал складывать в одну картину то, что раньше казалось случайным набором фактов о себе. Я родился под знаком Водолея — первого февраля, под числом, которое нумерологи называют кодом Единицы. Не буду называть это доказательством и не буду называть это рациональностью — это было бы неправдой. Это был просто язык, на котором я наконец смог объяснить себе то, что чувствовал всю жизнь без слов: почему я с детства был настроен на другую частоту, почему мне было физически больнее находиться среди людей, чем большинству вокруг.

Ответ довершила эмпатия — и когда я наконец назвал её по имени, стало ясно, откуда взялась вся усталость последних лет. Я годами носил в себе не только собственную боль. Я считывал чужую — чужой страх, чужую невысказанную вину, чужие скрытые мотивы — и принимал всё это за своё, не понимая, почему после обычного разговора чувствую себя так, будто отработал две смены подряд. Найти этому имя было почти физическим облегчением, как будто тяжесть, ко-

тору ю носил без объяснения половину жизни, наконец получила координаты на карте. Это был не мандат на избранность — это был инструмент выживания: сплав чувствительности эмпата и воли Единицы оказался именно тем сплавом, который не позволил мне сломаться до конца, когда тело уже лежало на полу, а помочь себе было больше некому.

Сначала я пытался помогать по одному человеку за раз — друзьям, знакомым. Выкладывался до предела и возвращался домой опустошённым, разбиваясь о чужие страхи и чужие догмы, которые люди защищали крепче, чем собственную жизнь. Тогда пришло последнее в этой цепочке озарение: битвы поодиночке — путь к самоуничтожению, кухонными разговорами систему не переписать. Мой масштаб должен был стать другим — не потому что я особенный, а потому что иначе весь этот выстраданный опыт умер бы вместе со мной, никому не пригодившись. Так родилось решение: книга и прямое слово, обращённое к тем, кто чувствует, что с миром что-то не так, но пока не может назвать это словами.

Эта книга — не плод теоретических размышлений. Это дорожная карта моего собственного освобождения, написанная не чернилами, а болью и обрётённой после неё силой.

Я не прошу тебя верить мне на слово. Я прошу лишь о том же, что однажды спасло меня самого, когда больше ничего другого не осталось: о минуте предельной, обнажённой честности с самим собой.

Если ты искренне любишь свой храм, уважаешь своего ду-

ховного наставника, и там, в этих стенах, твоя душа действительно касается Бога, — эта книга пришла не для того, чтобы отнять это у тебя или очернить твой личный, тихий приют. Она пришла с другим, гораздо более глубоким вопросом: а что из всего этого — твоё живое, чистое чувство, а что — чужая, холодная программа, незаметно вложенная тебе в руки, пока ты смотрел в сторону неба?

БЛОК I Корни догмы и тени власти

Глава 1. Кому мы молимся на самом деле?

Вспомни этот момент. Ты стоишь на пороге. Ещё секунду назад ты был просто человеком — с мыслями, заботами, обычным дыханием. И вот носок ноги переступает черту, отделяющую улицу от храма, и что-то внутри тебя меняется быстрее, чем ты успеваешь это осознать.

Но задумывался ли ты хоть раз, как ты вообще там оказался? Ты не выбирал этот порог. Тебя привела туда чья-то тёплая, знакомая рука — мамина или бабушкина, — и ты просто шёл рядом, доверяя ей полностью, как доверяют дети. Тебе сказали: «Здесь Бог» — и ты поверил, потому что не было причин не верить человеку, который тебя любит больше всего на свете.

И в этом — самая тихая и самая массовая часть всей системы. Никто не спрашивал тебя, во что ты хочешь верить. Никто не ждал, пока ты подрастёшь и сможешь сделать этот выбор сам, из зрелого, осознанного места. Тебя просто привели — за руку, слепо, с любовью, — потому что точно так

же за руку когда-то привели и тех, кто вёл тебя. Твоя мама была чьим-то ребёнком, которого тоже привели. Твоя бабушка — тоже. Это не заговор одного поколения против другого — это цепь, в которой каждое звено искренне верило, что делает благо, и просто передавало дальше единственное, что само когда-то получило: «вот здесь Бог, вот священник, сюда приходи, если станет плохо, — здесь тебя выслушают и простят».

Так закладывается первый и самый незаметный фундамент всей системы — задолго до крестика на груди, задолго до первой исповеди. Не решение, а привычка. Не выбор, а маршрут, по которому тебя ведут раньше, чем ты вообще способен спросить: а куда, собственно, мы идём?

Плечи слегка опускаются вниз, будто на них лёг невидимый груз. Грудная клетка сжимается — едва заметно, но безошибочно, так, как сжимается тело перед чем-то, чего боится, ещё до того, как разум успел испугаться. Взгляд сам собой падает вниз, к полу, и голова слегка склоняется — не из почтения, а от какой-то древней, вросшей в мышцы привычки быть меньше, чем ты есть.

Ты помнишь это чувство? Оно знакомо почти каждому, кто хоть раз ребёнком переступал порог духовного храма — неважно, какой именно конфессии. По логике вещей, дом Бога, Творца всей Вселенной, должен наполнять душу светом, ликованием, ощущением абсолютной, безграничной свободы. Но вместо этого многие из нас — особенно чут-

кие, восприимчивые люди — чувствовали там необъяснимую, давящую тяжесть. Словно из каждого угла веяло скрытым страхом, виной и навязчивым ощущением, что ты уже кругом виноват и грешен просто по самому факту своего рождения на этот свет.

Я по природе эмпат. Это значит, что с самого детства я чувствовал окружающий мир не только поверхностными органами чувств. Я воспринимал энергию людей, пространств и религиозных институций всем своим нутром, каждой клеткой тела, своим сердцем, разумом и головой. Когда я заходил в помещение, моё существо мгновенно, без слов, считывало истинную суть и скрытые мотивы этого места. И то самое сжатие в груди, о котором я говорю выше, — это не метафора. Это было моим личным, телесным опытом задолго до того, как я нашёл ему объяснение.

В детстве мы задаём самые честные и бескомпромиссные вопросы. Почему религий на земле так много? Если Бог один, то почему каждый священник с амвона утверждает, что права только его конкретная церковь, а все остальные верующие обречены? И почему те, кто официально называют себя наместниками и представителями Бога на земле, часто ведут себя так, будто они никогда в жизни не слышали, о чём на самом деле говорил Иисус?

Иисус не строил золотых куполов. Он не утверждал прайслисты и ценники на крещение, венчание или отпевание. Он не требовал, чтобы человек падал на колени перед кастой

посредников в позолоченных рясах. Его истинное послание было невероятно простым и по-настоящему революционным для своего времени: «Царство Божие внутри вас».

А это значит, что твой единственный и самый надёжный проводник к Творцу — это твоё собственное сердце.

Прямая связь. Без посредников. Без таможни, проверок и скрытых процентов.

Но что сделала религиозная система? Она взяла это живое, дышащее знание и упаковала его в жёсткую рамку догм, ритуалов и страха. Зачем? Чтобы перехватить твой личный, искренний импульс к Свету и направить его в нужное для себя русло.

То самое сжатие в груди на пороге храма — это и есть первый, самый честный сигнал этого перехвата. Тело знает об этом раньше разума. И чтобы понять, куда на самом деле уходит энергия этого сжатия, нам нужно назвать то, что за ним стоит. Это слово — эгрегор.

Эгрегор — это невидимая, но абсолютно реальная ментально-энергетическая структура в тонком плане. Она рождается в тот момент, когда большая группа людей объединяется вокруг одной идеи, одних мыслей, общих целей и одинаковых эмоций. Свой эгрегор есть у футбольных клубов, у транснациональных корпораций и, разумеется, у каждой мировой религии.

Сам по себе эгрегор — это искусственная система. У него нет собственного источника жизни, он не способен генери-

ровать энергию самостоятельно. Ему, как аккумуляторной батарее, постоянно нужна внешняя подпитка. И эта подпитка — наша с вами энергия.

Вот как устроена та самая духовная таможня, которую веками выстраивала религиозная система. Когда человек — а особенно чувствительный человек, чистый эмпат — испытывает искренний душевный порыв, выделяемая им энергия колоссальна. Когда ты хочешь от всего сердца поблагодарить Вселенную или попросить защиты у Творца, ты буквально излучаешь чистейший свет своего сердца. По первоначальному замыслу этот мощный импульс должен лететь напрямую к Источнику, минуя любые преграды и фильтры.

Но что происходит, когда ты приходишь в храм? Религия авторитетно заявляет: «Твоё личное слово ничего не значит. Твоё сердце несовершенно. Вот тебе утверждённый инстанциями текст молитвы, вот канон, вот посредник в рясе, и вот образ на стене, на который ты обязан смотреть». В этот самый момент происходит энергетический перехват. Твой световой луч не уходит напрямую к Источнику — система пропускает его через свои ментальные фильтры. Ты автоматически настраиваешься на частоту конкретного религиозного бренда. И весь твой мощный, чистый эмоциональный всплеск уходит на подпитку огромного искусственного эгрегора.

Ты искренне думаешь, что отдаёшь свою любовь Творцу. А на самом деле — просто пополняешь баланс огромной

энерго-информационной корпорации.

Иисус ведь не зря повторял: «По вере вашей да будет вам». Наша вера, наши эмоции и наше внимание — это самая ценная, чистая валюта во Вселенной. И религиозные структуры прекрасно знают, как этой валютой управлять. Они выстроили идеальную систему перехвата, где человек добровольно отдаётся самому святому, даже не подозревая, что система использует его как обычную батарейку.

Язык страха против языка любви

А теперь зададим главный вопрос: почему официальные религиозные структуры, обладая колоссальными человеческими и материальными ресурсами, так часто ведут себя абсолютно противоположно тому, чему учил Иисус?

Ответ кроется в самом языке, на котором система общается с человеком.

Иисус пришёл, чтобы принести весть о свободе, о безусловной любви и о том, что каждый из нас — дитя Божье. Он говорил о сыновстве, о прямом, родственном сотворчестве человека с Творцом. Но что сделала церковная система, как только укрепила свою политическую власть? Она легким движением руки заменила священное слово «дитя» на подчиняющее словосочетание «раб Божий».

Вдумайся в это глубоко. Раб. В самой этой формулировке уже изначально заложен слом человеческого достоинства,

полное уничтожение суверенитета души. Раб не имеет прав. Раб всегда априорно виноват. Раб действует не из любви, а исключительно из страха перед неминуемым наказанием.

Зачем это нужно системе? Всё дело в частоте вибраций. Когда человек чувствует себя свободным, любимым, соединённым со Вселенной через свою интуицию — его вибрации невероятно высоки. Такой человек буквально светится изнутри. И главное — он становится абсолютно неуправляем для системы. Его невозможно запугать, ему невозможно навязать чужую волю. Он слушает Бога внутри своего сердца, а не приказы и циркуляры сверху.

Но системе не нужны свободные, сильные и осознанные единицы. Ей нужны идеальные, послушные прихожане. А как сделать человека управляемым? Нужно опустить его по вибрациям вниз — в поле липкого страха и вечной вины.

С самого рождения тебе внушают: ты грешен. С раннего детства человека заставляют бесконечно каяться просто за то, что он живёт, дышит и чувствует этот мир. Страх ада, страх Божьего гнева сжимает сердце человека. А сжатое, напуганное сердце — это идеальный, безотказный донор энергии. Помнишь то сжатие в груди на пороге храма? Вот его настоящая цена.

Через чувство вины и страх религиозный эгрегор без труда выкачивает тонны психической энергии из миллионов людей ежедневно. Напуганный «раб» никогда не поднимет голову и не задаст логичный вопрос: «А почему я должен

просить доступ к моему Небесному Отцу у человека в золотых одеждах?». Он просто покорно принесёт свою энергию в жертву системе.

Но твоя интуиция всегда знала правду: Бог не карающий надсмотрщик с дубинкой. И если внутри тебя всё это время жил тихий протест против рабской покорности — твой внутренний радар эмпата работает абсолютно правильно.

Очищение радара и возвращение к Источнику

Так какой же из всего этого вывод? Неужели любой наш искренний духовный порыв обречён быть съеденным этой машиной?

Конечно нет. Сила эгрегора действует исключительно до тех пор, пока ты отдаёшь ему своё внимание вслепую, неосознанно. Но стоит понять правила игры — и иллюзия мгновенно рассыпается, как карточный домик.

Твой внутренний радар, твоя интуиция и твоё чуткое сердце эмпата — это и есть тот самый прямой, суверенный канал связи с Творцом, встроенный в тебя по праву рождения. Чтобы этот канал работал на полную мощность, тебе физически не нужны посредники. Не нужны здания с золотыми куполами, не нужны официально утверждённые религиозные бренды и одобренные кем-то тексты молитв.

Бог — это не бюрократ, который проверяет по бумажке,

правильно ли ты произнёс старославянские или латинские слова. Бог — это чистая, безграничная энергия Любви и Света, соткавшая всю эту фрактальную Вселенную. И этот Источник слышит не буквы. Он слышит искреннюю частоту вибраций твоего сердца.

Когда ты хочешь поговорить с Творцом, тебе достаточно просто заглянуть внутрь себя. Выйти в тихий лес, посмотреть на бескрайнее небо, искренне обнять близкого человека или просто побыть в тишине наедине со своими мыслями. Скажи то, что чувствуешь, своими словами. Искренне. Из точки любви и благодарности, а не из точки страха.

В это самое мгновение твоя энергия пойдёт напрямую к Источнику, минуя любые искусственные таможи и эгрегоральные решётки.

Перестань отдавать свою силу тем структурам, которые умышленно пытаются сделать тебя слабым, виноватым и зависимым. Ты не раб. Ты — дитя Света. Ты — неотъемлемая часть этого огромного, живого океана бытия.

Доверяй своей интуиции. Если ты чувствуешь фальшь там, где тебе настойчиво обещают святость — значит, фальшь там действительно есть. Очищай свой радар от навязанных догм. Возвращай себе свою законную силу. И учись слышать Бога внутри себя. Потому что именно там Он всегда и находился.

И, может быть, в следующий раз, переступая порог храма, ты заметишь то же самое сжатие в груди — но уже не как

чужую программу, включившуюся против твоей воли, а как сигнал, который ты наконец умеешь читать.

Глава 2. Нательный крестик. Защита или инструмент подключения?

Мне было лет шесть, может, семь. Крестик у меня был простой — маленький, серебряный, на тонкой цепочке, купленный бабушкой в церковной лавке “на всякий случай, для защиты”. Она надела его мне сама, застегнула замочек на затылке своими тёплыми, чуть шершавыми от работы по дому пальцами и сказала: “Носи, не снимай. Теперь Бог всегда с тобой рядом”. Я помню эту фразу дословно — она произвела на меня впечатление именно потому, что прозвучала как что-то окончательное, как приговор, а не как подарок.

Через две недели цепочка порвалась. Я не помню, как — просто в какой-то момент провёл рукой по груди и не нащупал привычной тяжести. Крестик исчез, а вместе с ним — и звено цепочки, которое, казалось, ничем не могло надломиться само.

Взрослые расстроились. Не сильно, но заметно — с тем особым выражением лица, которое дети считают безошибочно, даже если слов при этом почти не произносится. “Ну вот, опять потерял”, — сказала мама, и в этом “опять” было что-то, отчего мне стало не по себе, будто я подвёл кого-то важного, кого нельзя подводить.

Купили новый. Через месяц — та же история: цепочка перетёрлась в другом месте, крестик снова пропал, и я снова

не мог объяснить, куда и как. К третьему разу бабушка уже смотрела на меня с тревогой иного рода — не “ты неаккуратный”, а “с тобой что-то не так”. Она даже спросила знакомую из церкви, “бывает ли такое” — и получила ответ, что это, возможно, “бесы искушают ребёнка”, раз святыня на нём не держится.

Мне было страшно это слышать. Не потому, что я поверил в “бесов” — в шесть лет такие слова ещё не совсем понятны, — а потому, что я почувствовал: со мной действительно что-то не так, раз даже взрослые, которым я доверял, не находят этому объяснения, кроме тревожного. Я стал бояться самого крестика — не как символа, а как предмета, который постоянно проваливает свою единственную задачу и тем самым делает виноватым меня.

И только спустя годы, когда моё восприятие эмпата окрепло и соединилось с более глубоким знанием, я смог взглянуть на эту детскую историю иначе. Тогда я думал, что виноват я. Сегодня я знаю: виноват не я, и не крестик как предмет сам по себе, а то, что было на нём изображено, — потому что моё тело, моя интуиция, ещё не умея объяснить это словами, каждый раз отторгали чужеродный сигнал, который этот символ нёс. Моя душа буквально сбрасывала с себя инструмент, который не должен был там находиться, — раз за разом, вопреки всем цепочкам и застёжкам.

Этот опыт знаком очень многим эмпатам и чувствительным людям. Наш внутренний радар с самого детства пыта-

ется нас защитить, отторгая то, что система навязывает под видом блага, — даже когда взрослые вокруг искренне уверены, что делают что-то хорошее.

Давайте снимем завесу догм и посмотрим на этот символ честно и непредвзято. Что представляет собой традиционный нательный крестик? Это не просто геометрическая фигура. В абсолютном большинстве случаев это распятие — миниатюрное скульптурное изображение казнённого, страдающего человека, пригвождённого к деревянному кресту.

Вдумайся в это умом и почувствуй сердцем. Самый священный предмет, который человек вешает на шею своему новорождённому ребёнку, — это орудие убийства и символ предсмертной муки.

Религиозная корпорация утверждает, что через этот символ транслируется победа над смертью и искупление грехов. Но на уровне чистой энергетики Вселенная считывает не богословские трактовки, а частоту вибраций. А какова частота у изображения распятого тела? Это частота боли, страданий, агонии, безысходности и смерти.

Нося на груди этот символ, человек ежедневно, ежесекундно транслирует в своё энергополе частоту вечной жертвы. Он подсознательно соглашается с тем, что страдание — это норма, что путь к Богу лежит через мучения, и что он сам — вечный должник, ради которого кто-то пролил кровь.

А теперь заглянем ещё глубже — на уровень анатомии духа. Крестик носится на груди, располагаясь прямо напротив

важнейшей точки человеческого тела. В физическом мире здесь находится вилочковая железа, или тимус. В мире энергии — это верхний регистр анахаты, нашего сердечного центра, точка нашей искренней связи с Источником.

Тимус называют точкой интуиции и иммунитета. Именно этот центр отвечает за раскрытие безусловной любви, за ощущение себя свободным дитя Света, напрямую соединённым с Творцом. Это источник нашей духовной силы и суверенитета.

И именно на эту священную точку система накладывает замок. Нателный крестик с распятием действует как энергетическая заглушка, мощный фильтр. Каждый раз, когда твоё сердце пытается раскрыться, излучить чистую волну любви или сотворчества, этот импульс упирается в металлическую фигурку распятого человека. Происходит блокировка сердечного центра.

Вместо того чтобы транслировать в мир свет и радость, человек через этот фильтр подключается к глобальной сети страдания религиозного эгрегора. Система замыкает энергию человека на себе, используя его тимус как розетку для скачивания жизненных сил. Крестик становится персональным терминалом подключения, через который эгрегор контролирует частоту вибраций человека, удерживая их в нижнем регистре вины и покорности.

Возможно, теперь та детская история звучит для тебя иначе. Ребёнок, каждый раз необъяснимо теряющий крестик, —

не небрежный и не “искушаемый бесами”. Он просто ещё не разучился слышать собственное тело.

Бог не просил нас носить на теле символы смерти Его посланников. Иешуа пришёл, чтобы принести живое знание о Свободе и Любви, а не для того, чтобы стать вечным идолом на металлической подвеске.

Когда ты снимаешь этот замок со своей груди, ты не предаёшь Бога. Напротив — ты освобождаешь своё сердце. Ты убираешь искусственную границу и позволяешь своему тимусу, своему духовному центру, наконец-то дышать в полную силу, напрямую соединяясь с Источником.

Глава 3. Церковные колокола.

Очищение пространства или подавление воли?

Представь на секунду два звука. Первый — тот, что рождался в мастерских старых литейщиков, когда в расплавленный металл добавляли по капле серебро, вымеряя пропорции так же тщательно, как алхимик вымеряет ингредиенты для эликсира. Такой колокол не бил в воздух — он пел. Его голос расходился над землёй тёплой волной, как круги от камня, брошенного в спокойную воду, — мягко, объёмно, с высокими, почти хрустальными обертонами, от которых, если верить тем, кто их слышал, теплело в груди и хотелось дышать глубже. Это был голос металла, который ещё помнил, что он — часть живой земли, а не просто инструмент.

А теперь представь второй звук — тот, что раздаётся над городами сегодня. Тяжёлый, глухой удар, будто по груди бьют не звуком, а кулаком в перчатке из свинца. Он не расходится волнами — он вбивается, продавливая пространство, оседает где-то между рёбрами. Это не пение. Это гул машины, притворяющейся голосом небес.

Между этими двумя звуками — не просто смена сплава. Между ними — целая история безмолвной подмены, растянутая на века, история о том, как живой инструмент гармо-

нии превратили в глухое орудие подчинения, а объяснили это войной, нехваткой металла и заботой о храме.

Освобождение сознания начинается с понимания того, что нас окружает. В предыдущих главах мы увидели, как система перехватывает наши невидимые молитвы на тонком плане и как она блокирует наш физический тимус — точку интуиции и связи с Источником — с помощью нательного распятия. Но архитекторы контроля прекрасно понимали: чтобы удерживать миллионы людей в повиновении, одних лишь индивидуальных замков недостаточно. Нужен инструмент массового, тотального охвата. Инструмент, который способен проникать сквозь стены домов, подчиняя себе пространство целых городов.

И этот инструмент звучит над нашими головами каждый день. Это церковный колокольный звон.

Нам с самого детства внушали красивый и возвышенный миф: колокольный звон якобы очищает пространство, разгоняет тьму, исцеляет болезни и несёт в себе божественную благодать. Нас учили радоваться этому звуку, воспринимать его как призыв к святости. Но чтобы понять, что происходит на самом деле, нам нужно обратиться к конкретным историческим фактам. Здесь кроется один из самых масштабных подлогов религиозной системы.

Когда-то этот голос был живым — и это не было случайностью или неосознанным чутьём ремесленника. Старые литейщики знали, что делают. Формулы сплавов, точные про-

порции серебра, чистота исполнения — всё это передавалось из поколения в поколение не как смутная интуиция, а как выверенное, осознанное знание. Они понимали: правильно настроенный звук способен не просто радовать слух — он способен исцелять, очищать воздух и тело человека от того, что мы сегодня назвали бы вирусами и болезнетворными бактериями. Это было осознанное искусство служения жизни, рождённое из чистого и доброго намерения — подарить людям звук, который лечит, а не просто украшает обряд.

История знает не один такой пример. Земмельвейс, требовавший от врачей просто мыть руки перед родами, был осмеян и изгнан коллегами — притом что статистика смертности рожениц была целиком на его стороне; признание пришло уже после его смерти. В 2026 году физики Университета Сан-Паулу опубликовали в журнале *Scientific Reports* эксперимент: звуковые волны определённой частоты заставляют оболочку вируса резонировать, деформироваться и буквально лопаться изнутри — учёные сравнили это с тем, как лопаются кукурузное зерно в попкорне. Речь шла о медицинском ультразвуке, а не о колокольном звоне, и приравнивать одно к другому было бы нечестно. Но сам принцип — что звук определённой природы способен разрушать то, что вредит живому, — наука подтвердила уже в наши дни, а не в древности. Возможно, вопрос не в том, работали ли старые мастера с этим же самым принципом. Возможно, вопрос в том, почему такие открытия — что тогда, что сейчас — так

редко доходят до широкого света прежде, чем их успевают либо высмеять, либо приватизировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.